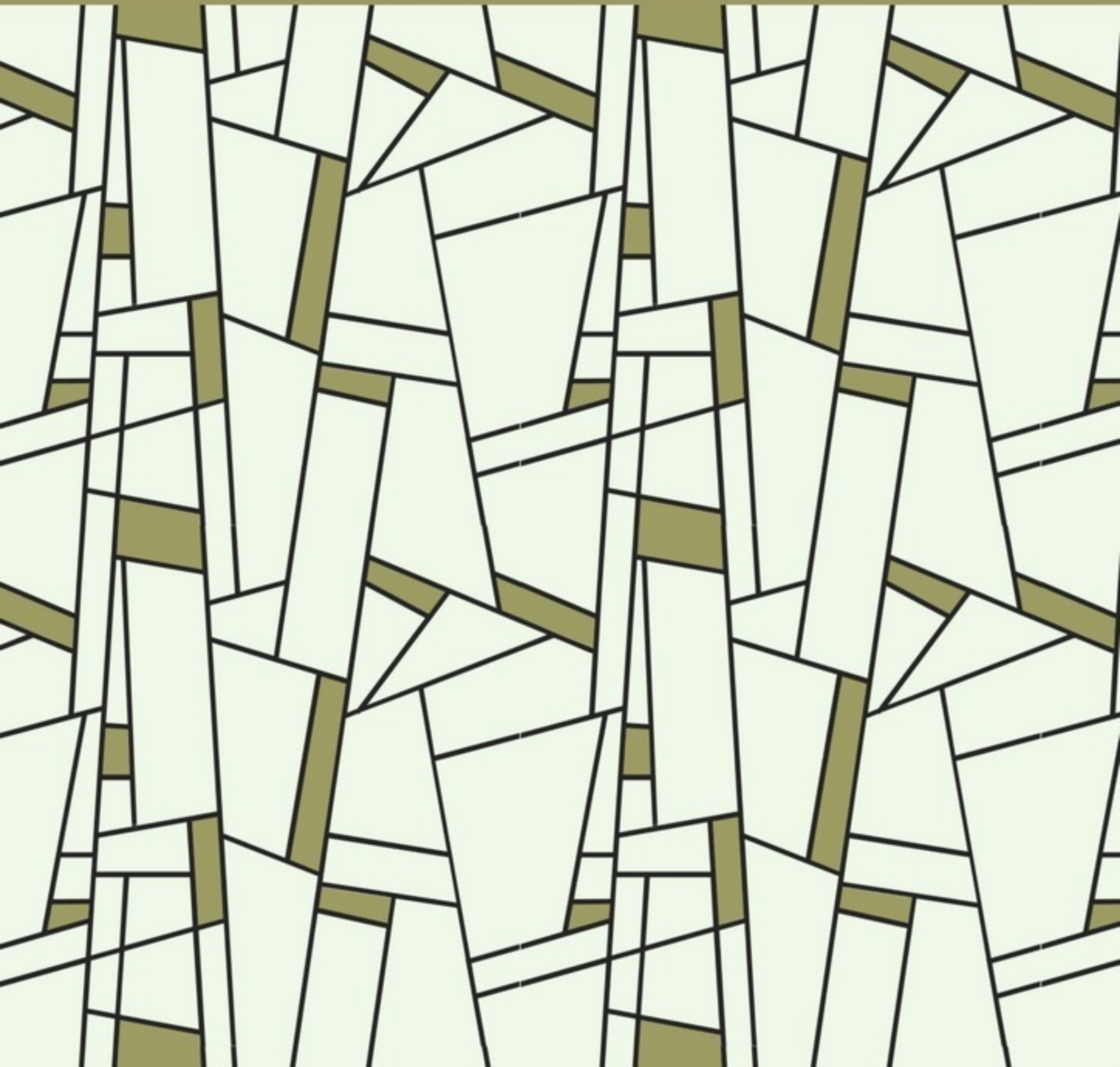

Лека Нестерова

Пьесы

Лека Нестерова
Пьесы. Русский театр

«Издательские решения»

Нестерова Л.

Пьесы. Русский театр / Л. Нестерова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934679-7

В сборник входят две пьесы «Продам живого волка» и «После 18-ти, прямо с утра...» Тематически они, естественно, разнятся, но по духу времени они, на мой взгляд, дополняют друг друга. Эпоха 90-х долго будет отзываться в сердцах современников, на судьбы которых она повлияла радикальным образом.

ISBN 978-5-44-934679-7

© Нестерова Л.
© Издательские решения

Содержание

Продам живого волка	6
Драма	7
Действующие лица	7
ПРОЛОГ	8
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ	12
К а р т и н а 1	12
К а р т и н а 2	13
К а р т и н а 3	13
К а р т и н а 4	15
К а р т и н а 5	15
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ	17
К а р т и н а 1	17
К а р т и н а 2	18
К а р т и н а 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Пьесы Русский театр

Лека Нестерова

© Лека Нестерова, 2018

ISBN 978-5-4493-4679-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Продам живого волка

IV.

*Пошёл я вновь бродить, уныньем изнывая
И взоры вокруг себя со страхом обращая,
Как узник, из тюрьмы замысливший побег,
Иль путник, до дождя спешащий на ночлег.
Духовный труженик – влача свою веригу,
Я встретил юношу, читающего книгу.
Он тихо поднял взор – и спросил меня,
О чём, бродя один, так горько плачу я?
И я в ответ ему: «Познай мой жребий злобный:
Я осуждён на смерть и позван в суд загробный —
И вот о чём крушусь: к суду я не готов,
И смерть меня страшит».
«Коль жребий твой таков, —
Он возразил, – и так жалок в самом деле,
Чего ж ты ждёшь? Зачем не убежишь отселе?
И я: «Куда ж бежать? Какой мне выбрать путь?»
Тогда: «Не видишь ли, скажи чего-нибудь», —
Сказал мне юноша, даль указуя перстом.
Я оком стал глядеть болезненно-отверстым,
Как от бельма врачом избавленный слепец.
«Я вижу некий свет», – сказал я наконец,
«Иди ж, – он продолжал, – держись сего ты света;
Пусть будет он тебе единственная мета,
Пока ты тесных врат спасенья не достиг,
Ступай!» – И я бежать пустился в тот же миг.*

V.

*Побег мой произвёл в семье моей тревогу.
И дети и жена кричали мне с порогу,
Чтоб воротился я скорее. Крики их
На площадь привлекли приятелей моих;
Один бранил меня, другой моей супруге
Советы подавал, иной жалел о друге,
Кто поносил меня, кто на смех подымал,
Кто силой воротить соседям предлагал;
Иные уж за мной гнались; но я тем боле
Спешил перебежать городское поле,
Дабы скорей узреть – оставя те места,
Спасенья верный путь и тесные врата.
(«Странник» А. С. Пушкин)*

Драма в 4-х действиях с прологом и эпилогом

Действующие лица

БЕГИЧЕВ СЕРГЕЙ, молодой человек, участник первой чеченской компании, рядовой миномётного взвода.

БАРАБАШ ВИКТОР, сослуживец СЕРГЕЯ, контрактник, казак.

НЕСТЕРОВ МИХАИЛ, командир расчёта.

ВЕРШИНА ТИМОФЕЙ, сослуживец СЕРГЕЯ, рядовой срочной службы.

ВЗВОДНЫЙ, мужчина средних лет.

ЯНА, жена СЕРГЕЯ, продавец в модном бутике.

ЗАВИДОВ САМСОН ВАЛЕРЬЯНОВИЧ, завмаг на пенсии, отец ЯНЫ.

ЗАВИДОВА АДЕЛАИДА ЕРМОЛАЕВНА, домохозяйка, мать ЯНЫ.

АРТЁМ и МИХА, дети СЕРГЕЯ и ЯНЫ, мальчики 5-ти и 6-ти лет.

ЖЕНЩИНА преклонных лет, мать солдата.

ДЁМА, участник первой чеченской компании; второе лицо в фирме «Атлант»; знакомый СЕРГЕЯ.

СЕМЁН ЯКОВЛЕВИЧ, президент фирмы «Атлант».

АЛЛА, секретарь фирмы «Атлант», девушка яркая, современная, как реклама.

АККОРД, компаньон СЕМЁНА ЯКОВЛЕВИЧА, обыватель и добрый человек.

РУЖИЦКИЙ, конкурент фирмы «Атлант», бизнесмен новой формации.

ОЛЕГ, охранник.

СТАРИК, не то святой – не то леший, не то ангел – не то человек.

ПРОЛОГ

Завершается Первая чеченская компания. Вопреки предательской политике Кремля, взят Грозный, уже взято Ведено, противник загнан в горы и деморализован. Русские генералы и солдаты предвкушали близкую победу, оплаченную большой кровью.

Вдали – горный пейзаж. Высотка под Шатом, с которой миномётные части ведут обстрел. Солнце едва успело скрыться за горизонт, и красивый горный пейзаж был лишь чуть обозначен. Дымы, вспышки и залпы вылетающих снарядов: слышатся дальние и ближние звуки взрывов.

Расположение миномётных расчётов. В центре – расчёт МИХАИЛА НЕСТЕРОВА, состоящий из него, его заместителя ВИКТОРА БАРАБАША, бывшего «афганца» и контрактника, и двух рядовых – СЕРГЕЯ БЕГИЧЕВА и ТИМОФЕЯ ВЕРШИНЫ.

Быстро темнеет. Сквозь звуки боя слышатся голоса: «Взводного! Взводного!». Вскоре выделяется голос ВЗВОДНОГО, говорящего по телефону.

ВЗВОДНЫЙ (орёт в трубку телефона). Да! Слушаю! Громче! Неслышно! Да! Что? Не понял – прекратить?! Почему?! Слушаюсь! Так точно! Есть! (Обращается к подчинённым.) Прекратить огонь! Передать по цепочке! (Слышатся голоса передаваемой команды.) М-м-м... (бросает в сердцах на землю шапку) едрит твою налево, опять!.. чтоб вас!.. (нагибается, чтобы взять шапку, теряет равновесие и с размаху падает на «пятую точку»; несколько секунд сидит, облокотившись на колени, затем встаёт, отряхивается и уходит).

Бой затих. Бойцы – уставшие, раненные, голодные – спешат воспользоваться передышкой.

ТИМОФЕЙ. Серый, ногу зацепило, не заметил даже... кровяще...

СЕРГЕЙ. Сейчас... я быстро (помогает раненному сесть поудобней и оказывает ему медицинскую помощь). Тихо стало, непривычно... Почему остановили? Тут осталось дожать... (Тимофей постанывает и кривится от боли.) Ничё, потерпи, рана неопасная. Терпи... терпи...

БАРАБАШ (готовит импровизированный стол-ужин). Опять какой-нибудь мораторий придумали...

СЕРГЕЙ. Не может быть. Нам остановиться сейчас, – что смерть! Нам только вперёд, и вперёд, и вперёд (заканчивает перевязку). Ну, вот, всё. Счас поесть принесу.

БАРАБАШ. Понятное дело. Только очень похоже.

СЕРГЕЙ. А ты знаешь, что такое мораторий по словарю? Отсрочка по платежам вследствие чрезвычайных обстоятельств. Понял? Человеку с фантазией понять несложно: предательство это, чистое предательство.

НЕСТР (присаживаясь рядом). Ну-ну, потише с выводами.

БАРАБАШ. А что, не так? Не война, а какая-то игра в кошки-мышки, причём кошке то и дело навязывают роль мышки.

СЕРГЕЙ. А жить-то как дальше!

НЕСТР. Ты сейчас выживи, сосунок! А о будущем будешь думать, когда... в мамкино плечо уткнёшься.

СЕРГЕЙ (горячась). На тои рассчитывают: молчи, не думай, не бери в голову, живи проще! Надеются, что мы, как стадо баранов, будем только жалобно бляеть – и умирать, умирать, умирать!

БАРАБАШ. Да охолонь ты, не заводись. Ишь, какой горячий молодой! Всё правильно говоришь. Всё так и есть. Но. Нестр прав: нельзя отчаиваться. Что там будет, никто не знает. Какой там сценарий у Господа. А жизнь наша – это вот сейчас, в это мгновение, и только за него мы можем поручиться. А уже за следующее – никто не может! Ясно тебе? Не наше это дело – думать кто, да что. Нехай политики ломают голову, чего им с самими собой делать... А я, к примеру, жизнь ж и в у ю люблю! Знаешь, что такое «живая жизнь»?

ТИМОФЕЙ (хриплым слабым голосом). Ну-к, скажи...

БАРАБАШ (кивнув с усмешкой в сторону Тимофея). А вот что. Это когда... она... эта самая жизнь... со смертью, как подружки под ручку прогуливаются, словно девки, хохочут, сплетничают меж собой... разругаются!.. А у тебя кровь по жилам, как Терек по камням, так и скачет!

ТИМОФЕЙ. Во даёт... ой! (корчится от боли).

СЕРГЕЙ. Ты там не напрягайся, подремли лучше, квохчешь! (Обращается к Барабашу.) А ты что ж это, серьёзно?

НЕСТР (немногословный по природе, перекусив, уходит вздремнуть в сооружённое наспех укрытие из ящиков от снарядов). Конечно, серьёзно. Ты слушай этого казака, не т о ещё услышишь.

БАРАБАШ. А что тебя смущает? Погулять по горам, по долам, по весям – куда ещё жизнь потратишь? Сидеть в четырёх стенах – не для меня. И за бабью юбку держаться тоже, знаешь ли... Казаки мы, братка.

СЕРГЕЙ. А и казаки, так что, смерти не страшно?

БАРАБАШ (напевает). «Что нас ждёт, того не знаем: чёрный ворон – конь лихой. Встретим смерть, да не признаем, Мол, не ведаем такой».

СЕРГЕЙ. Мг, не ведаем такой... А я вот не знаю, страшно мне, или нет. Скорее, я не очень верю в неё.

БАРАБАШ. В кого?

СЕРГЕЙ (со смехом). В смерть, чёрт ты эдакий!

БАРАБАШ (уже серьёзно). А в Бога веруешь?

СЕРГЕЙ (подумав). Кредо.

БАРАБАШ. Щё?

СЕРГЕЙ. Кредо, говорю. Верую по латыни.

БАРАБАШ (уважительно). М н о г о знаешь?

СЕРГЕЙ. Поступать хотел в университет. А тут – Чечня. Ну и решил... мать только жалко, бросил её одну.

БАРАБАШ. А у меня семья большая: батько, мамо, сестры, братья. Как соберёмся вместе – пляшем, поём. Весело. Было. Пока не началось это светопреставление... Хотя, если подумать, началось-то оно ещё сто лет назад... Нас много здесь из Грозного... Нестр, кстати, тоже... У него вообще там Нестеровых полгорода родственников.

СЕРГЕЙ. Да-а... А я из Рязани. И кроме матери, у меня никого. Бегичева Анна Кузьминична. Хирург. Дорогая моя. Когда уходил, – веришь? – ни слезинки. Благословила и говорит: «Знаю, всё будет хорошо». С тем и в бой иду. Спокойно, словно защитила она меня на все случаи.

Послышались шорохи и мягкие звуки шагов.

БАРАБАШ. Тихо. Кажется, идёт кто-то... оттуда (вглядывается во тьму). Взводный, наверное...

СЕРГЕЙ. Да он.

ВЗВОДНЫЙ (проходит по расчётам с новостью). Ну, что, братцы-кролики, вести неве- сельные: наступление прекратить, огонь открывать только в крайнем случае; артиллерию и авиа-

цию не применять. Всё. (В сторону.) Падлы! (обращаясь к подчинённым.) Нестр где? (Идёт к спящему командиру расчёта).

П а у з а.

СЕРГЕЙ (в отчаянии). Не может быть! Барабаш! Не верю! Ведь... совсем немного осталось... столько ребят положили... столько жертв! (Шипя.) Изменники.

Подходят командир расчёта и взводный.

ВЗВОДНЫЙ. Отставить панику! Не раскисать. Война – это вам: не дождик прошёл, так сразу не кончится. Надо выживать! Высотку удержим, Командующий – мужик стоящий. Поговаривают,

Ещё вдарим. А сейчас – ждать, бдительности не терять. Ничего, сынки, держись... (Уходит.)

П а у з а.

СЕРГЕЙ. Изменники! Предатели! Ненавижу!

БАРАБАШ (пересмешничая). «Наступление прекратить...» Что птицу на лету! Только пулей. П а у з а. (Напевает.)

«Тыче Кубань аж у лыман
А з лымана в морэ.
Ой, нэ знали козаченькы,
Якэ будэ горэ».

СЕРГЕЙ. Я бы сейчас не знаю, что бы сделал, душа горит! Взять бы этот миномёт, да ии...

БАРАБАШ. Ты только, Серый, не сломайся, Богом тебя прошу. Знаешь, дорога тянется, тянется, да куда-нибудь приведёт. Ты ж сам учёный, в прошлое умеешь смотреть. Вот мой дед... много всяких историй рассказывал мне, малому. Что-то запомнил, а что-то, дурню, лень было. Что-то он говорил про умную молитву, про исихию какую-то... Это я ничего не понял. Зато помню, что были, давно-давно, такие казаки... характерники назывались... что ни голода, ни холода не боялись, ни огня, ни воды. Слыхал о таких? (Сергей отрицательно покачал головой).

ТИМОФЕЙ. И я не слыхал такого.

БАРАБАШ. Не спишь? Ну, слухайтэ. Характерники эти были с природой слиты так, что понимали язык птиц и зверей. А дух был такой силы, что взглядом могли врага одолеть. Не верите? А зря. Дед говорил, что могли они в волков обращаться...

ТИМОФЕЙ. В волков? Это как э т и называют себя серыми волками, хищниками?

БАРАБАШ. Да какие они волки? Шакалы. И дурак назовётся умным, а умнее не станет. А э т и ещё покажут своё истинное рыло... Ну, так вот. Смотрит басурман – казак на него идёт. Раз! – А это уже не казак, а волчья пасть на него скалится. Вытаращит свои азиатские глаза. Пока думал – башка с плеч! Словно колдуны какие...

ТИМОФЕЙ. Ох, и врешь ты, Витюша, как я погляжу.

БАРАБАШ. Эх, ты Тимофей Вершина! Не вершина ты, а вершки от корешков. В цём скарбе, щё батькы нам в наслэдство поховалы, всэ е: и пословицы, и поговорки, и былины, и песни всякие... А тильки брэхни нэма... чёго нэма, того нэма.

ТИМОФЕЙ (смущаясь). Да я так, шутя... и никакой я не вершок от корешок! Фамилии, знаешь, тоже... просто так не даются. Вершина я, Вершина! К тому же раненный в бою.

СЕРГЕЙ (вглядываясь вдаль). Ведь совсем чуть-чуть осталось, и конец войне. Конец мучениям... Я слышал, как ещё до войны здесь начали над русскими измываться: и убивали, и насиловали, и из собственных домов изгоняли в свет белый. Вот, думал, придут наши, наведут порядок. И что? Ничего не изменилось, только хуже стало.

БАРАБАШ. Иэх, керды-берды, шатой-марды... Маает око – зуб неймёт! Однако ж мы – не характерники: холодно, аж до кости продирает... и жрать хочется (достаёт спички и папиросы).

СЕРГЕЙ. Ты чего? Демаскируешься.

БАРАБАШ. Так мораторий же (пытается зажечь спичку). Тьфу-ты, погасла.

Слышатся далёкие залпы танковых орудий.

СЕРГЕЙ. Верно взводный сказал: ещё ударим. Хорошо-о...

БАРАБАШ. Хорошо-то, хорошо, а надолго ли? (Снова пытается зажечь спичку.) Да язви её!..

СЕРГЕЙ. А, может, опомнились наши командиры, вспомнили, что у них оружие есть, и голова на плечах, и солдаты, верные им, а? Да перестань ты спички жечь!

БАРАБАШ. Вряд ли, Серый, опомнились. Ох, и змэрз же я, хоть чуток покурить (наконец закуривает сигарету). Ничё, всё будет – обана-ништяк! (Напевает.)

«Служив казак при вийську,
Мав рокив двадцать тры.
Любыв вин дивчиноньку...

СЕРГЕЙ. Потуши... (Слышится одиночный выстрел.)

Барабаш падает навзничь со словами песни: И з сыром пироги...»

СЕРГЕЙ (орёт). Витюша! Барабаш! А-а-а! (Стреляет во тьму из автомата.) Гады! Шакалы! Твари подлые! (Разорвавшийся снаряд падает неподалёку и оглушает Сергея.)

Т е м н о.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Те же горы, та же высотка; взрывом изуродованное оружие; слабый дымок; кругом следы хаоса войны. И посреди всего – квартира ЗАВИДОВЫХ. Диван, кресло – любимое место отдыха хозяина; стол салфеткой и вазой, телевизор, стоящий, как на тумбочке, на миномётных ящиках. Здесь проходит мирная жизнь, давно вернувшегося с войны, рядового СЕРГЕЯ БЕГИЧЕВА с его женой ЯНОЙ, детьми, тестем и тещей.

К а р т и н а 1

Утро. В комнату входит АДЕЛАИДА ЕРМОЛАЕВНА. В руках у неё «голодный» пылесос, с помощью которого она принимается за уборку.

Вскоре, следом за женой, в гостиной появляется САМСОН ВАЛЕРЬЯНОВИЧ. Обряженный в домашний халат, он входит важно и значительно и садится в любимое кресло, подхватывая из-под себя книгу.

САМСОН ВАЛЕРЬЯНОВИЧ (громко). Опять закрыли страницу, враги!

АДЕЛАИДА ЕРМОЛАЕВНА (НЕ РАССЛЫШАВ). Что? А?

САМСОН ВАЛЕРЬЯНОВИЧ (раздражённо). Да выключи ты уже этот пылесос!

Аделаида Ермолаевна выключает пылесос.

АДЕЛАИДА ЕРМОЛАЕВНА. Ну что такое?

САМСОН ВАЛЕРЬЯНОВИЧ. Я говорю, книгу закрыли опять, враги! (Ищет нужную страницу. Отбрасывает книжку в сторону.) Аделаида, что ж это такое?..

АДЕЛАИДА ЕРМОЛАЕВНА (продолжает уборку, почти не слушая мужа). Ну чего ты, не бери в голову. Мальчики, наверное, возились и прикрыли нечаянно.

САМСОН ВАЛЕРЬЯНОВИЧ (с досадой). У-у, да подожди ты, я не об этом. Я говорю, что ж это такое, Сергей не работает, шляется где-то, приходит поздно. Янку ни во что не ставит. Двоих детей настрогали, а самих, как детей, носом тыкать нужно. (С иронией.) А ещё в Чечне служил... и не скажешь... Кто его там нянчил, хотелось бы знать?

АДЕЛАИДА ЕРМОЛАЕВНА (вся в домашней суете, накрывает утренний чай). Самсонушка, ну что делать, они же дети...

САМСОН ВАЛЕРЬЯНОВИЧ. Какие дети? Они давно уже... (Машет рукой.) А-а! Хоть бы уже на работу устроился... кем он там? Охранником, что ли? Пусть хоть охранником...

АДЕЛАИДА ЕРМОЛАЕВНА. Самсонушка, зачем охранники? Они же и так целый день у нас под присмотром. А потом в дошкольную гимназию отдадим, вот и будет ладно.

САМСОН ВАЛЕРЬЯНОВИЧ. Ма-ать! Да ты... ты... тьфу! Я ей про Фому, а она мне про Ерёму. Я говорю, Сергей когда уже за ум возьмётся? Или только деньги занимать горазд, да дрыхнуть до обеда.

АДЕЛАИДА ЕРМОЛАЕВНА (застыв перед мужем воплощённым вниманием, так и не успевает ничего ему сказать).

К а р т и н а 2

САМСОН ВАЛЕРЬЯНОВИЧ, АДЕЛАИДА ЕРМОЛАЕВНА, ЯНА.

Из своей комнаты выныривает Яна. Самсон Валерьянович утыкается в книгу.

ЯНА. Что, с утра уже Серёгины кости обгладываете? Да устройтеся он на работу, не волнуйтесь. Уж я-то позабочусь. Всё будет о'кей. (Проходит через гостиную в прихожую.)

АДЕЛАИДА ЕРМОЛАЕВНА. Вечно ты, отец, с утра пораньше начинаешь... (шёпотом) слышали, видать, всё.

САМСОН ВАЛЕРЬЯНОВИЧ. А тебе лишь бы всё крыто-шито... Тьфу! Шито-крыто!

Из прихожей доносятся голоса детей и ЯНЫ. Вскоре мальчики вбегают в комнату; они дерутся, пытаясь отнять друг у друга шапочки.

ЯНА (входит за ними). Артём, Миша, прекратите! Ма-а, где их сапожки, вечно убираешь...

АДЕЛАИДА ЕРМОЛАЕВНА (семенит на поиски). Ой, сейчас, сейчас.

Мальчики убегают вслед за ней.

ЯНА. Пап, почему ты всегда недоволен? Знаешь, как мне трудно: ночами кричит, рвётся куда-то, а днём до него «не достучишься», замкнётся в себе – и баста. Но у меня кое-какой планчик созрел. Должно получиться. Потерпи, пожалуйста... Вот он спит, потому что всю ночь «воюет».

САМСОН ВАЛЕРЬЯНОВИЧ. Ты мне на слезу не дави! Я всю жизнь трудился... приходилось и унижаться... и пресмыкаться – Да, знаешь ли! – чтобы обеспечить вам условия! А теперь что? В своём собственном доме ничего не скажи! Корми, да ублажай этого... невесть, что такое... Он же нигде не задерживается! Всюду ему не то, да не так. Сам в облезлой шкуре, а туда же —кльки показывать. Хоть бы свои боевые выбил, так ведь и не заплатили. Каша манная!..

ЯНА. Так что, ты хочешь, чтобы мы на квартиру ушли? Или к его мамаше, которая дрожит над ним, как над хрустальным? Не так стираешь, не тем кормишь. Этого хочешь? Что мне делать? У нас же дети... АДЕЛАИДА ЕРМОЛАЕВНА. Э-э, разошлись. Тише... услышит. (Самсон Валерьянович, махнув на них рукой, замолкает, берёт со стола газету и весь уходит в неё.) Яночка, детей я проводила на прогулку, поглядывай за ними... А Сергей что... ещё не встал? Пора бы уж ему...

К а р т и н а 3

Те же и СЕРГЕЙ.

Из спальни в гостиную выходит Сергей.

ЯНА (заискивая). Серенький проснулся. Ух, ты, волчара (треплет его за загривок). Садись с нами чай пить.

АДЕЛ. ЕРМ. Несу-несу, самовар, видать, уж поспел (уходит на кухню).

САМ. ВАЛ. (ядовито). Ох, и лицемеры!

СЕРГЕЙ (присаживаясь к столу). Доброе утро.

ЯНА (повиснув у мужа на плече). Серенький, что тебе снилось, мальчик? Ути, глазки наши не проснулись...

СЕРГЕЙ (освобождаясь от её рук). Янка, отстань, голова рассказывается.

ЯНА (сконфуженно). Фу, какой плохой мальчик.

САМ. ВАЛ. (продолжая читать газету). Мг, напишут же такое: объявление: «Талантливый, но нищий поэт ищет сказочно богатую принцессу не старше 35 лет». Сдаётся мне, у этого поэта ни на грош совести. Нахалюнку норовит.

СЕРГЕЙ. Так там же ясно написано – талантливый.

САМ. ВАЛ. А ты веришь этому недоумку?

СЕРГЕЙ. А Вы, будь ваша воля, вероятно, таланты в килограммах измеряли бы? Или, нет... в метрах!

ЯНА. Сергей, ну ты что?

САМ. ВАЛ. (слегка обиженно). А вот ещё. Объявление: «Продам живого волка». Чёрти что! На кой он нужен, этот живой волк? Сдери с него шкуру, да и продавай, больше толку.

СЕРГЕЙ. А что, Самсон Валерьянович, тут я, пожалуй, с Вами соглашусь. Действительно, чем продавать ЖИВОГО волка, уж лучше на шкуру его, для него лучше... Так ведь нет же, непременно хотят именно ЖИВОГО продать. Живого, с его жаждой воли, не укрощённой свободой, с его отчаянной самозащитой! Продать! В этом у них особый кайф, особая фишка!..

САМ. ВАЛ. (раздражённо). Да чего ты тут несёшь? Причём тут... Я говорю, как бывший торговый работник с опытом, что шкура волка – это единственное, что представляет в нём хоть какую-то ценность.

СЕРГЕЙ. А-а, простите, Вы всё о своём... на чём хапнуть побольше... так это несложно... и дураку под силу, особенно, если у этого дурака нет твёрдых принципов.

САМ. ВАЛ. (брезгливо) Что? Что ж ты – дурак – не зарабатываешь? А живёшь тут у меня, без своего угла, вторым петухом в курятнике.

СЕРГЕЙ (глядя пристально в глаза тестю). Самсон Валерьянович, в петухи Вы сами себя записали. Только смотрите, как бы Вам не прокукарекать самое главное. А заработать я, дурак, наверное, и смог бы... теоретически... однако, так уж устроен, что куда ни повернись, везде принципы... принципы... принципы... Какой-то лабиринт из принципов – не вырваться. И с Ариадной мне не повезло...

САМ. ВАЛ. Что за чушь ты несёшь?! Какие ещё лабиринты-принципы? Ариадну какую-то приплёл... У тебя жена и двое детей, тунеядец!

СЕРГЕЙ (еле сдерживаясь). Тунеядец? Да, тунеядец... по части воровства и махинаций... но другой работы у нас в стране, к сожалению, нет. Но Вас я понял... обыватель – ваше имя... и легион – ваше отчество... а фамилии вообще никогда не было, так же, как и национальной принадлежности! И слушаете Вы, да не слышите!

САМ. ВАЛ. Ты скажи спасибо, что я вообще тебя слушаю! Кто-то тут должен пахать на него, несёт чушь!

СЕРГЕЙ. Никто не просит Вас на меня «пахать»! Но флажки Вы здорово расставляете... хитро... и пулю подходящую отлили...

САМ. ВАЛ. Ты поиздевайся, поиздевайся... Я тебя, щенка, за дверь выкину, там будешь гавкать, паршивец! Тунеядец!

СЕРГЕЙ. Отроду никогда не гавкал!

Сергей оглушённый бранью тестя, вскакивает и уходит в спальню.

ЯНА (недовольно). Па-А! (Убегает вслед за мужем.)

К а р т и н а 4

АДЕЛАИДА ЕРМОЛАЕВНА и САМСОН ВАЛЕРЬЯНОВИЧ

АДЕЛ. ЕРМ. (несёт в гостиную самовар). А вот и самовар... Серёжа, Яночка, папа... А где же дети?

САМ. ВАЛ. (передразнивая). А где же дети?

АДЕЛ. ЕРМ. Опять чай вдвоём... Ох!

САМ. ВАЛ. Да ну их! Знаешь, я чай тоже пить не буду... не хочу! (Уходит.)

АДЕЛ. ЕРМ. Ничего не понимаю (ставит самовар на стол и садится). Что ж это такое? Вечно их не соберёшь. (Чуть посидев, снова засуетилась: что-то поправляет, спотыкается на каких-то гильзах, находит ржавые бинты, откидывает их в сторону, пытаюсь, в конце концов, навести порядок.) А что ругаться – то, все правы... а папа... когда хорошенько разобраться... и получается... что он-то, оказывается, ну, это самое, он-то и прав... он всегда прав. Ой, куда это я вазу забельшила? (Находит возле комнаты молодых.) Ах, вот она.

Из дверей комнаты слышатся голоса: «Мне это уже вот где! – Я тоже уже не могу! Я устала!»

АДЕЛ. ЕРМ. Всё не мирятся. А зачем в голову брать-то? Ну. Наговорили друг дружке, а в голову зачем брать? ...Ии, батюшки, у меня ж там... (быстро уходит).

К а р т и н а 5

СЕРГЕЙ и ЯНА

Из комнаты в гостиную, решительный и взволнованный, вылетает Сергей, за ним Яна.

ЯНА. Сергей, ты куда?

СЕРГЕЙ (юродствуя). А куда это я? А? Туда? Или сюда? Куда? (Одевается, бегая из гостиной в прихожую, из прихожей в гостиную).

ЯНА. Не сходи с ума, Сергей!

СЕРГЕЙ. Яночка, ты моя, я бы остался, да... пива очень хочется... и опять же... по бабам... ну. Вот тАк! (Проводит рукой по горлу).

ЯНА. Серёжа-А! Но ведь папа прав... в конце концов... то, о чём ты говоришь, просто даже не современно, ну, не в духе времени. И слова какие-то подбираешь... как с луны, честное слово!

СЕРГЕЙ (вытаращив на неё глаза). Ах, не современно! Папа прав?! Да, не современно! А я знаю, для вас я – ископаемое. Но я вижу, кишками чувствую, как скоропостижно всё меняется, быстрее, чем труп в могиле, превращаясь в ничто! И самое страшное... что это ничто уже очень многим кажется нормой, а живое, с болью и нервами кажется чем-то инородным, не от мира сего. Да может, так оно и есть. Только я не хочу – не хочу, понимаешь? – туда, за вами! Пусть я буду с теми... кто и после своей смерти... живее всех живых (поднимает гильзу с пола и ставит её на стол).

ЯНА (с усмешкой). С Лениным, что ли?

СЕРГЕЙ. С Лениным? Нашла что ляпнуть! Ч т о живого в твоём Ленине? П а у з а. (Самому себе.) Сергей Радонежский... до сих пор по земле ходит... каждый год ему лопаточки меняют – стираются. (Замечает окровавленные бинты и бережно прибирает их в сторонку.) Для меня это и смысл!.. и надежда!.. и оправдание!.. Пусть я буду его! Современником, что

мне мешает?! Пусть я буду современником доблестного адмирала Колчака! Чтобы на палубе непобедимой «Славы»

стоять с ним на коленях у иконы Божьей Матери и молиться. А не из кожи лезть, стараться угодить таким, как твой отец...

ЯНА. Вот отца прошу не трогать!

СЕРГЕЙ (не слушая). ...и как все те, кто возомнил сейчас себя хозяевами этой твоей современности, лишь бы иметь честь, так сказать, дышать с ним одним воздухом! Я видел жизнь и видел смерть! Я знаю. Ведь, омертвелые, они не могут понять, что никто никуда не уходил. Все – здесь! Всё видят и слышат... и Витюша Барабаш... он тут, со мной рядом, понимаешь, всегда!

ЯНА (как будто сочувствуя). Да перестань, Серёж, чего завёлся?

СЕРГЕЙ. Никто никуда не уходил. А эти, прижизненные мертвецы, не стесняются – при целом сонме настоящих героев и выдающихся людей! – не стесняются произносить вслух свои жалкие аргументы! Не стесняются и не боятся, потому что не слышат – не слышат! – в свой адрес их гомерический хохот на всю Вселенную! А ты... суешь мне в нос эти заплесневелые тряпки, этот дешёвый антиквариат – вашу современность, с её нищими и бомжами, ворами и убийцами, кровавым золотом и бриллиантовыми проститутками. Как будто ничего другого... русская земля... и не... (они встречаются глазами, и он видит, как они пусты и безразличны, и начинает хохотать приговаривая: «Ну, скажи опять: «Папа прав! – Скажи!»)

ЯНА. Ну, иди, иди, если хочешь.

СЕРГЕЙ (успокоившись). А ты? Ты! Чего хочешь?

ЯНА (вдохновенно, с ностальгией). Ну-у... в Италию хочу.

СЕРГЕЙ (обрывая разговор). А я пива хочу!

Уходит, хлопнув дверью.

ЯНА (преображаясь). Вот задница, всё настроение испортил. Понесло его, как рублёвый пакетик, выше крыши... тараторит, не пойми что. Лучше бы посмотрел, в чём жена ходит! Скоро из бутика, как кошку драную вышвырнут, переодеться не во что. Вышла б замуж за белобилетника (и предлагали), так нет же, романтики захотелось! Дура! (Задевает рукой вазу и чуть не роняет её.) Ваза эта ещё... салфеточки всякие... «господи ты боже мой», когда уже дойдёт! Ну, ничего, я приведу его к общему знаменателю... ничего...

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

В тех же декорациях застывшей войны, с одной стороны – офисный стол главы фирмы «Атлант», олицетворяющий кабинет Семёна Яковлевича, с другой – стол секретаря-референта Аллы, стоящий ближе к авансцене и представляющий собой приёмную фирмы, украшенной к тому же большим развесистым цветком в кадучке и трёхрожковой вешалкой.

К а р т и н а 1

Приёмная фирмы «Атлант». МАТЬ солдата, СЕРГЕЙ, АЛЛА, ДЁМА.

СЕРГЕЙ (входит в приёмную). Здравствуйте. Можно? Кажется, Вы – Алла?

АЛЛА. Алла, Алла.. Пришёл? Вот, оказывается, какой у нашей Янки муж. Ничего-ничего. (Самой себе.) Мог быть и получше... (Ему.) Давно безработный? Ну, ничего, зайдёшь сейчас к шефу, он не против. Только подожди немного.

В приёмную робко входит пожилая женщина, мать солдата.

МАТЬ. Здравствуйте...

АЛЛА (настороженно). Что вы хотели?

МАТЬ. Дочка, мне бы повидать вашего этого... симпатичный такой, большой... Дима, кажется...

АЛЛА. Дёму, что ли? Подождите, он скоро будет.

Женщина скромно усаживается на край диванчика, в ожидании опустив голову. В тишине слышно, как она что-то шепчет и шаркает ногой по полу. Она замечает гильзу, через которую чуть не споткнулась. Находит ещё какие-то мелкие предметы, типа пуговицы или карандашика, даже кусочек обгоревшего фото – поднимает, разглядывает, что-то кладёт в карман вязаной кофты. Алла, делая большие глаза на всё это, удивлённо смотрит на Сергея. Сергей же, сочувствуя женщине, пытается понять, кто она и для чего здесь. Вскоре в приёмную весело входит Дёма, мужчина средних лет, крепкого телосложения, хорошо одетый и самоуверенный.

ДЁМА. Аллочка, привет! Шеф у себя? (Хотел было зайти в кабинет, но увидел сидящую пожилую женщину и узнал её) О-о... (поджимает губы, чтобы не выругаться).

МАТЬ (ТАК ЖЕ ЗАВИДЕВ ЕГО, ЗАСУЕТИЛАСЬ). Сыночек, погоди. Во-от (трясущими руками достаёт пакет с печеньем). Возьми, помяни моего сыночка Вадичку, не побрезгуй... Спаси тебя Господь! (Крестит его и, чувствуя недовольство, торопливо удаляется вон).

ДЁМА. Нет, ты видела?! (Трясёт пакетом с печеньем.) Вот она уже, где у меня! На, отдай охранникам (бросает пакет Алле на стол).

АЛЛА (брезгливо). Куда бросаешь? Сам отдай!.. Да... вот... новенький пришёл, познакомься. У тебя ведь есть вакансии?

ДЁМА. Ну, есть... А кто такой?

АЛЛА. А, муж одной моей знакомой. Просила. Я Сёмушку предупредила, он не против.

ДЁМА. Да-а? Ну-ну. (Подходит к Сергею.) Ты что ль новенький? Здорово. Как зовут?

СЕРГЕЙ. Сергей Бегичев. Первая чеченская. Несколько лет служил охранникам в «Щит и меч»...

ДЁМА. Да ну?! Воевал, значит! Ну, так мы с тобой братаны, я тоже в первую. Надо же, как судьба сводит?

СЕРГЕЙ. А ты, в каких частях?

ДЁМА. Пехота, Серый, пехота!.. Да, кстати. Дмитрий, а лучше – Дёма. Это имя у меня такое хитрое – Дима и зёма вместе. Эх! Надо б по такому случаю пропустить по маленькой.

СЕРГЕЙ. Конечно... Дёма, о чём речь. Я вот только устроюсь на работу – и вперёд!

ДЁМА. Да успеешь устроиться... ко мне же и попадешь. Я – старший. Вместе зайдём к шефу.

Новые знакомые уходят.

К а р т и н а 2

АЛЛА И СЕМЁН ЯКОВЛЕВИЧ.

Алла заканчивает какую-то работу, берёт бумаги и идёт к шефу в кабинет.

АЛЛА (игриво). Семён Яковлевич, Ваша подпись...

СЕМЁН ЯКОВЛЕВИЧ. Заходи, заходи (Алла подходит к шефу и кладёт на стол бумаги для подписи, молча улыбаясь). Аллочка, Аллочка, а мы поставим сегодня галочку в нашем протокольчике?

АЛЛА (с упрёком). Ну, у тебя и сленг... доисторический.

СЕМЁН ЯКОВЛЕВИЧ (заканчивает подписывать бумаги и обнимает Аллу за талию). Так я ж старый, а ты... НОВАЯ (смеётся). Кстати, где такую кофточку достала? Я её не видел...

АЛЛА. Вот опять: достала. Просто: ку-пи-ла. Пошла и купила. Лучше спроси, сколько отвалила за неё.

СЕМЁН ЯКОВЛЕВИЧ (с дурашливо-наивной интонацией). Сколько?

АЛЛА (льнёт к нему). Я тебе на ушко скажу... сколько.

СЕМЁН ЯКОВЛЕВИЧ (прижимает её к себе). Скажи...

Минутная любовная сцена.

АЛЛА (вырывается). О. нет-нет-нет, у тебя встреча (смотрит на часы) уже скоро. Я пошла. Сам же потом будешь упрекать.

Алла уходит. Семён Яковлевич с трудом отпускает её.

К а р т и н а 3

Семён Яковлевич один в кабинете. Хотел налить себе коньяку, но передумал. Садится за стол – и сидит, уставясь в одну точку, пофыркивая. Звонит сотовый.

СЕМЁН ЯКОВЛЕВИЧ. Да! Что?! Почему? Вот урод! Хорошо. Ладно. Отбой, созвонимся позже (отбрасывает телефон). Да что б тебя... Ядрёна вошь! (Достаёт коньяк, рюмку, пьёт) Ух... (занюхивает простым карандашом.) А! Люблю запах карандашей... аж с телячьих соплей... Что ж делать? Что делать? Э-э, вот так бы всех этих чистеньких – хлоп! (Бьёт по столу, и что-то маленькое отлетает и больно бьёт его в лоб.) Ой! (Вскакивает, раздосадованный этой чепухой, но тут же успокаивается и начинает ходить по кабинету в раздумье. Под ногами у него катается «военный мусор», который он брезгливо отшвыривает ногой, чертыхаясь и проклиная.)

Звонит сотовый. Одновременно раздаётся голос Аллы по селектору: «Семён Яковлевич, к Вам Аккорд».

СЕМЁН ЯКОВЛЕВИЧ. Впусти. (В телефонную трубку: «Дёма, жду».)

Входит компаньон Семёна Яковлевича Аккорд, интеллигентный человек, высокий, худощавый. Бывший инженер, случайно обогатившийся на одной незаконной сделке... А, в сущности, авантюрист и проходимец.

АККОРД (подчёркнуто вежливо). Приветствую, Семён. А день сегодня Божий... или наоборот? (Старается угадать настроение друга.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.